

ТЭССА
Рэй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ПОЗДРАВЛЯЮ,
Мой Босс,
ЭТО СТРАЙК!

Тэсса Рэй

**Поздравляю, мой
босс! Это страйк!**

«Автор»

2026

Рэй Т.

Поздравляю, мой босс! Это страйк! / Т. Рэй — «Автор», 2026

Я случайно сбила своего босса, когда ехала на мопеде. И самое странное не то, что он волшебным образом оказался в Сочи, куда я бежала сломя голову именно от него, а то, по какой причине он тут оказался....– Ваша личная драма повлияла на вашу работоспособность, Иванова. И если это так если причина в этом я готов помочь. Я смотрела на босса в полном, абсолютном шоке. Мозг отказывался переваривать услышанное. «Помочь»? Что это значит? Отправить в оплачиваемый отпуск? Выписать премию к психологу? Его тон не обещал ничего столь милосердного.– Если проблема в отсутствии постоянного партнера, то то я готов стать им. Я слышала слова, но их смысл отскакивал от сознания. Какое-то безумие. Шутка? Изощренная проверка на профпригодность?– П-простите, Ренат Ильдарович, но я не п-понимаю. Чего вы хотите? Босс резко зашагал ко мне через весь кабинет, навис над креслом, в котором я застыла, и произнес четко, отчеканивая каждое слово:– Я хочу вас! Ну, ничего себе, заявочка

© Рэй Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
1	6
2	9
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тэсса Рэй
Поздравляю, мой босс! Это страйк!

Глава

1

Если бы мне год назад сказали, что я буду нестись по сочинской набережной в марте на ретро-мопедe цвета выцветшей мальвы, да ещё и в платье в цветочек, я бы фыркнула.

Фыркнула бы свысока, из своего уютного московского офиса, затянутого в серую дымку.

Сестра тогда твердила: “Переезжай ко мне, к морю, к солнцу, жизнь одна!” А я, естественно, упиралась, как упрямая коза.

У меня была карьера, стабильность, привычный комфорт и вечная слякоть под ботинками. Какая глупость, правда?

А теперь поглядите на меня. Мартовское солнце – настоящий щедрый золотой донор. Воздух пахнет морем, влажной землей и цветущими апельсинами.

Я ехала на ретро-мопедe сестры, который славно тархтел, будто металлический жук, и везла в плетеной корзине самый весенний груз: свежий букет, который собрала сама.

Для бывшего аналитика и заядлого офисного планктона – это прорыв, поверьте мне. В моей работе никогда не было ничего творческого. Только сухие цифры.

А теперь, вы только взгляните! Сама составила свой первый заказ – букет по всем канонам флористики. Вау трижды!

Это заказ для Лидии Павловны, нашей постоянной клиентки – невероятно милой женщины лет семидесяти, которая заказывает букеты “для поднятия тонуса” каждую пятницу.

А сегодня – особый день. Восьмое марта. И я везу ей эти цветы, и настроение у меня такое... Летящее, что ли.

На кочке, конечно, без подлета вверх не обошлось.

Мой “жук” лихо подпрыгнул, я взвизгнула от неожиданности, и моя каска – обязательный атрибут этого безумного образа – съехала на самый кончик носа, полностью закрыв обзор.

Пришлось одной рукой ловить руль, другой – поправлять каску, при этом стараясь не врезаться в пальму.

Получилось, в общем-то, красиво: комичная героиня, цветы, балансирование на грани падения.

Я – картина дамы, которая с трудом держит все под контролем.

Все, кроме собственного веса. С ним у меня давно проблемы.

Хотя, с тех пор, как я переехала в Сочи он меня больше не парит. Я здесь настолько спокойна и счастлива и наконец начала принимать себя такой, какая я есть. И повторяю одну очень хорошую мантру: “Шли всех на хрен, ты прекрасна!”

А разве нет?

Надо же! Еще несколько месяцев назад я рассталась с парнем, с которым встречалась целых шесть лет.

Точнее, я бы и не расставалась: я детей хотела и замуж, а тут нежданно он меня бросил.

Как холодной водой окатил!

Шесть лет общих планов и привычки засыпать под звук его дыхания растворились в одной короткой, деловой фразе: “Я не вижу нашего будущего”.

А на следующий день еще и босс опозорил на весь офис!

Его голос, металлический и громкий, до сих пор иногда звенит в ушах.

Я сбежала из Москвы как от пожара, думала, настал конец света.

Билет в один конец, чемодан с самым необходимым и ощущение, что я выпала из привычной орбиты в абсолютную неизвестность.

Первые дни в новом городе на юге прошли как в тумане. Я спала по двенадцать часов, молча смотрела на море.

Потом понемногу стала приходить тишина. Не та, что от одиночества, а другая – наполненная шумом волн, криками чаек и гулом голосов туристов.

Я начала замечать рассветы, которых в Москве никогда не видела, потому что в это время уже неслась в метро.

Стала читать книги не урывками в электричке, а подолгу, с наслаждением, чувствуя бумажные страницы.

Завела разговор с соседкой-бабушкой, которая продавала на рынке домашний сыр и рассказала историю своей жизни, похожую на роман.

И кто бы мог подумать – сейчас ни о чем не жалею.

Те шесть лет не вычеркнуты, нет. Они просто стали главой в книге, которую я наконец-то дочитала и смогла перелистнуть.

Ту любовь я больше не идеализирую, а вижу ее целиком: и светлые, и горькие стороны (и только сейчас понимаю, что горьких сторон больше!).

Я поняла, что хотела просто замуж и детей, а не конкретного будущего с конкретным человеком. Его уход, хоть и был болью, освободил место.

Освободил меня саму от иллюзий и от той девушки, которая старалась быть удобной, соответствовать, ждать.

А тот позор в офисе? Сейчас я почти благодарна тому боссу.

Его грубость стала тем пинком, который заставил меня выпрыгнуть из заезженной колеи.

Теперь я работаю флористом.

Прикольно, да? Из аналитики – в цветочный?

Но важнее другое – я уважаю то, чем занимаюсь.

И, боженьки-боженьки, сама распоряжаюсь своим временем!

Могу прерваться на долгую прогулку по набережной, когда чувствую усталость, а не пить шестую чашку кофе, чтобы дожить до конца рабочего дня.

Иногда по вечерам я сижу на берегу и думаю, что если бы тогда все сложилось “как надо”, я бы сейчас, наверное, нервно проверяла телефон, составляла список покупок и гасила мелкие бытовые ссоры с Толей.

Возможно, я была бы счастлива. Но это не точно.

Зато я точно знаю, что слышу сейчас: свой собственный пульс, а не гул мегаполиса. Вижу свое отражение в витринах кафе и магазинов – более спокойное, с новыми легкими морщинами у глаз от солнца и улыбки.

Я будто заново научилась дышать полной грудью.

И тут, как по заказу режиссера дешевой комедии, на этой счастливой ноте моя мысль прервалась.

На дорогу выкатился пушистый диверсант. Кот. Черный, конечно же!

Мысль промелькнула благородная: "Объеду! Сохраню и кота, и репутацию условно адекватного участника движения".

Руль повернула аккуратнее, чем обычно. Аккуратность, как выяснилось, – моя фатальная ошибка. Потому что вместо плавной дуги я вписалась прямым в яму, которую, видимо, копали с прицелом именно на меня.

Мопед взвыл, я взвыла внутренне.

Вынырнув из углубления, я уже ничего не контролировала. Последовала кочка. Не кочка даже, а какой-то позвоночный бугор на асфальте.

Меня подбросило. И надо отдать должное мопеду – подбросить такую как я – тот еще трюк!

Мой красивый, стильный и, как оказалось, совершенно непрактичный шлем опять съехал мне на нос.

Видимость моментально сузилась до полосы в три сантиметра между козырьком и моими губами.

Я видела свои колени, часть руля и кусочек асфальта прямо перед колесом. Остальное – звуки, тени и слепая вера в то, что там, впереди, никого нет.

Но мне не могло так повезти. Кот, все-таки, был черным неспроста.

Из-под козырька в мою узкую полосу обзора всплыли сначала дорогие туфли, потом брюки с безупречными стрелками, потом – уже слишком поздно – полоска дорогущего пиджака.

Мозг выдал стоп-кадр: "Человек. Стоп. Стоп!"

Руки сами дёрнули руль, мопед вильнул, но инерция – дама упрямая. Переднее колесо на всей безумной скорости впечаталось ему в икру.

Дальше все было как в замедленной съемке, которую я с ужасом наблюдала из-под своего шлема-аквариума.

Руки взметнулись, из одной полетел кожаный портфель, из другой – телефон, описав в воздухе яблочную дугу.

А потом человек рухнул на бок, сложившись, как дорогая складная мебель.

Я замерла, заглушила мотор. Мир вернулся в нормальный темп, и тишину разорвал только мой собственный прерывистый вдох.

Первым делом – шлем. С трудом отодрала его ото лба. Картина предстала во всей своей сюрреалистичной красе.

Я – цела. Ни царапины.

Мопед стоял, слегка поцарапав брендовую краску о тот самый бордюр. А вот букет... Букет рассыпался по грязному асфальту великолепной, но бестолковой цветочной солянкой.

И мужчина.

Лежал, глядя в небо с выражением глубочайшего экзистенциального недоумения.

Он поднял голову, его взгляд, остекленевший от шока, медленно проплыл от моего поцарапанного мопеда к разбросанным цветам, а потом уперся в меня.

И тогда я его узнала.

Вот, черт! Это же мой московский босс!

– Ренат Ильдарович?!

2

Мозг отказался складывать картинку в целое.

Это была та же квадратная челюсть, тот же холодный, изучающий взгляд из-под тяжелых век.

Тот самый человек, чей голос за дверью кабинета заставлял неметь и меня, и весь отдел.

Тот, из-за чьих «летучих проверок» у меня начинала дергаться щека. Чьи бессмысленные поручения в пять часов вечера в пятницу заставляли плакать от бессилия в туалетной кабинке.

Он был той последней каплей, после которой я собрала два чемодана и укатила к сестре в Сочи, зализывать раны и учиться заново дышать полной грудью без этого вечного кошмара в виде Рената Ильдаровича Абрамова.

А теперь он лежал здесь, на горячем сочинском асфальте, с разорванной рубашкой и осыпавшейся гипсофилой в волосах.

Это было невозможно. Абсурдно! Как будто из самого кошмарного и давнего сна выпал кусок и приземлился прямо перед моим колесом.

Шок сменился диким, животным недоумением.

Это розыгрыш? Случайность двойников?

Но нет.

Я узнала эту особую манеру лежать, даже будучи сбитым с ног – с претензией на достоинство, будто асфальт был его личным диваном, а я – нерадивой уборщицей.

Его взгляд, медленно фокусирующийся на мне, терял первоначальную растерянность.

О, да. Он узнал меня.

– Злата Васильевна, это вы?

Он поднялся, пошатываясь, будто мир вокруг него немного накренился, и начал оглядывать меня.

Нет, не оглядывать – сканировать с тем самым холодным, аналитическим презрением, от которого у меня раньше холодел живот.

Его взгляд скользнул по моему простенькому платью (купленному на распродаже, да, спасибо, Ренат Ильдарович, что заметили), задержался на потертом мопеде, скептически оценил рассыпанные по асфальту остатки букета.

В его глазах читалось чистейшее, неподдельное неверие. Словно его мозг отказывался складывать пазл: «бывшая сотрудница» + «Сочи» + «мопед» + «цветы». Он даже губы тонко поджал, прошептав больше себе, чем мне:

– Цветочница?

Это было произнесено с такой интонацией, будто он обнаружил меня торгующей фаллоимитаторами на пляже возле детской площадки.

Я готова была провалиться сквозь землю. Или, на худой конец, подхватить свой мопед и сделать вид, что это был не более, чем удачный бросок в боулинге, где я выбила все кегли, но при этом меня все равно дисквалифицировали.

Но потом что-то в его взгляде переломилось. Из-под строгости и недоверия просочилось что-то другое...

Его глаза, обычно буравящие насквозь, стали скользить по мне с какой-то лихорадочной, почти неловкой торопливостью.

Он смотрел на мои растрепанные от шлема рыжие волосы, на моё лицо, наверняка выражавшее полнейшую катастрофу.

И в этом взгляде было не только привычное начальственное оценивание. Там было что-то голодное, настойчивое, тщательно скрываемое за маской раздражения.

Абрамов смотрел так, словно не видел меня сто лет. Или видел впервые. Он даже сделал шаг вперёд, снова пошатнувшись, но теперь уже не столько от удара, сколько, казалось, от собственного порыва.

Его рука произвольно дёрнулась, будто он хотел меня схватить за локоть, но он резко опустил её, сжав в кулак у самого бедра.

Эту странную пантомиму уже вовсю наблюдали зрители.

На тротуаре собралось человек пять-шесть. Пара курортников в шлепанцах, бабушка с авоськой, молодой парень с самокатом. Они смотрели на него с открытым сочувствием и ужасом.

Деловой костюм, явно дорогой, теперь в пыли и с дырой, делал его идеальной жертвой несчастного случая.

А их взгляды, переходившие на меня, были полны немого укора: «Вот, молодежь, на своих железках носятся, людей сбивают!» Одна женщина даже тронулась с места:

– Мужчина, вам помощь нужна? Скорую вызывать?

– Или полицию?

Инстинкт сработал раньше мысли. Гораздо раньше.

Прежде чем я успела осознать всю сюрреалистичность момента – бывшая сотрудница, бывший тиран, южный город, разбитые цветы – моё тело уже бросилось вперед.

Им управляла дикая, животная смесь вины, паники и той самой, въевшейся в подкорку, рабской потребности услужить. Убрать проблему. Сгладить. Ублажить. Чтобы он не смотрел как гневная туча.

Я засуетилась вокруг него, как робот с поврежденной программой.

– Ренат Ильдарович, простите, я нечаянно, дайте я...

Я стала стряхивать с его плеча лепестки, нечаянно оставляя размазанные полосы. Пальцы встретили влажное пятно – то ли грязь, то ли машинное масло.

Он не отстранился сразу. Секунду он просто смотрел на мою суету сверху вниз, и в его глазах читалось то самое привычное, всепоглощающее презрение к любой неорганизованности, к любому проявлению хаоса.

А я была сейчас воплощением этого хаоса.

Потом, медленно, с театральным, леденящим душу спокойствием, он снял пиджак. Движения были четкими, экономичными, будто он был на совещании, а не стоял на проезжей части после падения.

Он поднял пиджак перед собой, развернул его, изучая. Взгляд его стал критическим, doskonaльным, тем самым, от которого раньше замирал весь отдел.

Задержался на порванном шве на локте, на масляном пятне, на тончайшей паутине царапин по ткани от асфальта.

Его лицо не исказилось от злости. Оно просто окаменело. Потемнело. На нём медленно, неумолимо собралась та самая знакомая туча. Гроза, способная разразиться, от которой хотелось провалиться сквозь землю.

Меня пронзило какой-то странной фантомной болью. Мозгами я понимала, что уже не работала на него. Я уволилась, я уехала за тысячу километров, я отстроила новую жизнь, где не было его голоса, его требований, его уничижительных замечаний. И, особенно, его последней тирады...

Но под этим взглядом, всё это исчезло. Я снова превратилась в ту Злату Васильевну – виноватую, трясущуюся от страха.

Желудок сжался, колени слегка подкосились.

Мне вдруг физически, до тошноты, захотелось отскочить, извиняться, оправдываться, найти способ немедленно исправить ситуацию, лишь бы этот взгляд ушёл.

– П-простите... Простите, пожалуйста! – я поспешно стряхивала с его одежды дорожную пыль, с ужасом разглядывая рубашку, которая была порвана в нескольких местах.

Боже, чтобы купить ему новую, придется продать почку!

Под моими пальцами ощущались твердые, словно стальные, мышцы.

Я никогда раньше к нему не прикасалась, а теперь...

Он железный человек, не иначе! Подняла на него глаза, как затравленный зверек.

– У вас хоть права есть? Куда вы вообще смотрите, когда едете? – резко спросил он.

Взгляд босса сначала метнулся к мотоциклу, а затем остановился на мне. Точнее, на моем декольте. И снова вернулся проблеск чего-то... дикого в его вечно ледяных глазах.

– А вы куда смотрите?! Вот же наглец! – возмутилась я, прикрывая грудь рукой.

Его бровь взлетела вверх, как будто спрашивая: «Разве вы не знаете, что платье с таким вырезом надевают специально, чтобы на него смотрели?»

– Говорите так, будто это я вас сбил, а не вы меня, – заметил он с усмешкой.

– Я уже тысячу раз извинилась, – нахмурилась я. – Я не специально на вас наехала. Что вам еще нужно?

Я была ниже него на голову, и, кажется, впервые осмелилась посмотреть ему глаза в глаза.

Ой-ёй... зря я это сделала...

Абрамов инстинктивно потянулся рукой к лицу, дотронулся до брови, из которой сочилась кровь, и стиснул зубы от боли.

Я в ужасе смотрела, как кровь медленно стекает по его лицу, и внезапно перед глазами все начало расплываться. С детства вида крови боялась.

А тут целое комбо: босс-тиран ею истекает.

– О, кое-что нужно, цветочница! И пока не знаю, как бы это помягче сказать, но... – жаль дальше я не слышала, потому что начала терять сознание...

3

Три месяца назад

Мой аналитический план по расширению производства напоминал в этот вечер дома швейцарский сыр – дыр было куда больше, чем сути.

Взяла работу на дом. Не то, чтобы я была трудоголиком...

Просто пыталась отвлечься от сердечных ран и сосредоточиться на цифрах. Обычно мне это всегда помогало.

Итак, что тут у нас: потенциальная мощность нового завода, логистика, шансы на расширение, маркетинговые и ключевые риски, кадровые резервы... Уууу.

Курсор мигал на белом экране с издевательским постоянством, а в голове стучала лишь одна навязчивая мысль:

“Шесть лет. Шесть лет, а он даже не объяснил толком, что именно его не устраивало!”

Вот он, ключевой риск, который я с остервенением внесла в таблицу:

“Эмоциональная несостоятельность отдела аналитики!”

Шансы на успешное расширение? Условные.

“Шансы на то, что я прямо сейчас разрыдаюсь и напьюсь? Крайне высоки.”

Я пыталась заставить себя думать об укладочной плитке, производством которой занималась фирма, в которой я работала, о новых рынках сбыта, а мозг предательски прокручивал кадры нашего последнего разговора.

– Ты просто не та, с кем я хочу идти дальше, – фраза, которая выбивала почву из-под ног куда эффективнее любого экономического кризиса.

– Мы не можем с тобой иметь детей, сколько мы пытаемся? Три года уже. – Слова моего Толи резали без ножа. Он оглядел меня с ног до головы. – И мне кажется все это твоя вина. Ты посмотри в кого ты превратилась. Сколько ты набрала за последние годы?

Оглядел меня так, словно перед ним не его любимая девушка, а большой, жирный ламантин.

Какой, к черту, новый завод, если твоя личная вселенная только что схлопнулась?

Я вновь уставилась на монитор, долила себе еще вина.

“Для принятия окончательного решения о расширении необходимо...”

“Необходимо перестать видеть морду пустозвона Толи в экране ноутбука!”

Нужна холодная голова, а моя была раскалена добела обидой и воспоминаниями о том, как больно высказывался Толя обо мне....

Нужна уверенность, а я в себе сомневалась сейчас настолько, что даже выбор вина: красное или белое казался неподъемной дилеммой.

План требовал расчета “точки безубыточности”.

Ирония была в том, что моя личная точка безубыточности – шесть лет инвестиций в отношения – оказалась пройдена с катастрофическим убытком.

Что еще нужно для расширения?

Еда. Много еды в качестве утешения. А еще – коробка салфеток, которую я методично опустошала. И еще вино...

Я взяла себя в руки. Нет, просто сжала пальцами виски, пытаюсь вдавить внутрь хоть крупницу профессионализма.

– Сосредоточься, – прошипела я сама себе. – Плитка. Плитка вечна. А мужчины...

Я не стала договаривать. Вместо этого дописала:

“Необходимо провести дополнительный анализ сырьевого рынка в регионе, оценить колебания цен”.

Потом добавила:

“И закупить для офиса более крепкий кофе. И, возможно, узбагоина. Килограммами! Для ответственных сотрудников”.

Это был не анализ. Это было криком души.

Каждый пункт о рисках параллельного производства читался как подсознательный вопль о рисках остаться одной навсегда.

А раздел “Перспективы роста” выглядел особенно злой шуткой.

Рост чего? Горы салфеток? Цифры на весах? Количество пустых бутылок?

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Все расчеты меркли перед одним простым, идиотским вопросом: “Почему?”

И это был единственный вопрос, на который у меня не было и не могло быть аналитического ответа.

В итоге я сохранила файл под названием “План *Расширение* Черновик_Полный Крах”.

В графе “Резюме и выводы” я честно написала:

“Требуется дополнительное время на изучение собственной мотивации и проверку на адекватность. А также на то, чтобы пережить тот факт, что планы на будущее, на замужество и детей кто-то бесцеремонно отправил в утиль просто потому что перестала быть удобной”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.